

УТВЕРЖДАЮ

Заместитель генерального директора
по научной работе
Государственного музея Л.Н. Толстого
Л.В. Калужная

«25» марта 2020 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей Л.Н. Толстого» – на диссертацию Кухтиной Надежды Ивановны по теме: «Семантика и типология сновидений в творчестве Л.Н. Толстого», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература»

В диссертационной работе Н.И. Кухтиной изучаются литературные сновидения (а также близкие к ним состояния бреда/грёзы/мечты), изображённые как в «романном триптихе» Л.Н. Толстого, так и в ряде других произведений. В частности, в рассказах *История вчерашнего дня*, *Метель*, *Утро помещика*, *Сон*, *Альберт*, *Хозяин и работник*, *Ассирийский царь Асархадон*, в повести *Казачи* и в трактате *Исповедь*. Этим комплексным подходом, когда объединяются произведения, относящиеся к разным периодам творчества писателя, и когда предпринимаются «вылазки» из одного произведения в другое, независимо от того, насколько они хронологически отдалены друг от друга, и объясняется не только научная новизна, но и актуальность и даже теоретическая и практическая значимость диссертации. Всё дело в том, что именно комплексный подход предоставляет возможность выявить общее у тех произведений, которые ввиду коренного перелома в мировоззрении Толстого на рубеже 1870-1880-х гг., казалось бы, не могут иметь никаких точек соприкосновения. В том, что ранние произведения Толстого в известном смысле действительно следует воспринимать в качестве «пробной версии» поздних произведений, позволяет

убедиться, в том числе, и онирическая сфера. Диссертация чётко даёт понять, что обращение к сновидениям – это залог более глубокого прочтения хрестоматийно известных произведений Толстого. Ведь сновидения, как ни странно, прорубают окно в религиозно-философское учение Толстого. Так, сон, которым заканчивается трактат *Исповедь*, диссертантка вполне оправданно характеризует как «модель мироздания, отражающую мироощущение Толстого в поздний период» (с. 137). И две «бездны» из этого сна – «бездна плоти» и «бездна духа» (с. 137) отражают свойственный толстовской антропологии дуализм материального/идеального – плоти/духа (из трактата *Соединение и перевод четырёх Евангелий*) или зверя/ангела (из статьи *Христианское учение*). Вместе с тем через сновидения лежит путь и к толстовской «художественной эпистемологии». Главные герои рассказа *Утро помещика* и повести *Казаки*, соответственно Дмитрий Нехлюдов и Дмитрий Оленин, преодолевают отделённость и отчуждённость от окружающего мира посредством «уникального способа познания и самопознания», а именно «перенесения себя в другого» (с. 12). Что самое важное, это преодоление, пусть на деле и фиктивное, сопряжено, как на это справедливо обращает внимание диссертантка, с состоянием «на грани сна и яви» (с. 75). Впрочем, подобное «перенесение» совершается и в двух произведениях «позднего» Толстого. В рассказе *Хозяин и работник* (1895) замерзающий (значит, находящийся на пороге смерти) Василий Брехунов, которому незадолго до этого во сне явился Хозяин и которому кажется, «что он – Никита, а Никита – он», говорит себе: «Жив Никита, значит жив и я» (29, 44). В рассказе *Ассирийский царь Асархадон* (1903) одноимённый главный герой, «окунувшись» (т.е. умерев символически), почувствовал себя «другим человеком» (29, 129), а именно своим врагом Лаилиэ. В итоге Асархадон «отпустил» Лаилиэ и всех пленных и «прекратил казни», а также стал проповедовать людям что «жизнь одна» (29, 130). Получается, что своеобразным «зародышем» не только записи в записную книжку от 30 июля 1907 года: «Та twam asi. Ты это я» (56, 359), но и приведённого в *Пути*

жизни (1910) высказывания индийского мудреца: «Помни, что мы с тобой одно. Кто бы ты ни был, ты и я – одно» (45, 55) – можно и нужно считать «перенесение» двух вышеуказанных толстовских Дмитриев, Нехлюдова и Оленина.

По большому счёту сон (и прочие «изменённые состояния сознания») под пером Толстого оборачивается средством, в первую очередь, приобщения к божественному. Об этом свидетельствуют и те рассмотренные в 3-ей главе диссертации герои, прозрению (или хотя бы отрезвлению) которых в той или иной мере способствует женщина и которые, тем самым, становятся ядром толстовского «женского мифа». Речь идёт о героях из рассказов *Сон* и *Альберт*, а также о Николае Ростове и Андрее Болконском из романа *Война и мир* и Дмитрие Нехлюдове из романа *Воскресение*. Представляется, что непосредственное отношение к «женскому мифу» имеет ещё один толстовский герой, отец Сергей из одноимённой повести, в возрождении которого ключевую роль сыграла его давняя, ещё с детства, знакомая – Пашенька. То, что у Пашеньки можно узнать, в чем его грех и его спасение, отцу Сергию, точнее, уже Степану Касатскому, во сне поведал ангел. К «женскому мифу» можно отнести и Степана Пелагеюшкина (из повести *Фальшивый купон*). У истоков возрождения этого персонажа также находится женщина и по совместительству его жертва – Мария Семёновна. Правда, это такая жертва, которая, преследуя своего душегуба, приводит его в необычное состояние, напоминающее состояние галлюцинаторного кошмара.

У Толстого сон является и средством для раскрытия душевной, скрытой от чужих глаз, жизни персонажа. Особенно зримо это демонстрируют сны из романа *Анна Каренина*, а также «масонские» сны Пьера, анализированные соответственно в 1-ой и 2-ой главе диссертации.

В целом можно констатировать, что диссертантка, опираясь на работы преимущественно таких исследователей, как Р. Густафсон, К.А. Нагина и Д. Орвин, предлагает блестящее толкование литературных сновидений и прочих

пограничных состояний. В этом отношении особенно ценным, на наш взгляд, является наблюдение, что сновидцу из *Исповеди* «неловко ногам» (с. 130). Ведь этот «образ ног», чувственная подоплёка которого убедительно раскрыта при обсуждении «масонских» снов Пьера и который «служит олицетворением телесного, земного, животного начала в человеке» (с. 131), по сути, является очередной ступенькой на пути к *Крейцеровой сонате*.

Однако выносимая на защиту типология сновидений нуждается в доработке, хотя и незначительной. Выделение трёх групп сновидений – «метельных», «отражающих эпистемологическую концепцию писателя-мыслителя» и «связанных с “женским мифом” Толстого» – сомнению не подлежит. Можно согласиться и с выделением в особую группу сна из трактата *Исповедь*. Между тем закрепить определение «символическое» только за этим сновидением (даже если принять во внимание исключительное место *Исповеди* в творчестве писателя) возможным не представляется. Ведь любое сновидение по определению символично. Более предпочтительный вариант: «философское» или «религиозно-философское».

Если говорить о недостатках, то таковыми являются допущенные по невнимательности повторы отдельных положений, опечатки и даже не оформленные цитаты. Особенно бросаются в глаза неточности в формулировках из введения, где не проведено разграничение между объектом и материалом диссертации (с. 16), а создание типологии сновидений почему-то определяется как «проблема» (с. 16). Во введении же в качестве цели вместо предпринимаемого толкования, отсылающего к содержащейся в названии диссертации «семантике», приводится сомнительное и ничего не значащее «выявление особенностей изображения сновидений в художественных произведениях Л. Толстого» (с. 17).

Отмеченные наблюдения и замечания несколько не уменьшают объём выполненной работы и бесспорное достоинство диссертации, представляющей собой перспективное и очень серьёзное исследование, которое вносит существенный вклад в изучение такого аспекта толстовского

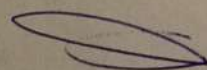
наследия, исследователями' недостаточно рассмотренного, как онейропозитика. Автореферат отражает основные положения представленной диссертации, а количество статей в изданиях, рекомендованных ВАК, вполне достаточно.

Диссертация Надежды Ивановны Кухтиной является законченной и самостоятельной научной работой, которая полностью соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Отзыв составлен научным сотрудником Отдела экскурсионно-лекционной работы ФГБУК «Государственный музей Л.Н. Толстого», кандидатом филологических наук Костой Александровичем Солевым.

Отзыв обсуждён и утверждён на заседании Отдела экскурсионно-лекционной работы от 24 марта 2020 года, протокол № 3 от 24.03.2020 г.

Заведующий отделом
экскурсионно-лекционной работы
Государственного музея Л.Н. Толстого

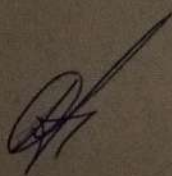

Даниил Андреевич Степанов

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей Л.Н. Толстого»; Россия, г. Москва, 119034, Пречистенка 11/8. Тел: +7 (499) 766-93-28; e-mail: info@tolstoymuseum.ru, сайт: www.tolstoymuseum.ru

Отдел экскурсионно-лекционной работы, тел.: +7 (499) 766-96-28, e-mail: kostasolev@rambler.ru

С.А. Солева
(Начальник отдела кадров)